

ного увоза невесты в дом жениха. Такие части свадебных празднеств, как «раскрой одежды», «приглашение зятя», «приглашение дочери», также были присущи городу. Наиболее же характерной чертой городской свадьбы являлось наличие приданого, которое до революции было совершенно обязательным в городских торговых и ремесленных кругах.

Наряду с этим в свадебном обряде таджиков Каратага ощущалось явное влияние полукочевых в прошлом узбеков, в частности тюрков, с которыми каратагцы издавна жили в тесном соседстве и общении.

О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением и воспитанием ребенка у узбеков Южного Хорезма¹

А. А. Фирштейн

Вопросам, относящимся к рождению и воспитанию ребенка у оседлого населения (узбеков и таджиков), посвящена довольно обширная литература². Что же касается Хорезма, то работ, в которых даются те или иные сведения по интересующей нас теме, весьма мало³.

Рождение ребенка является самым радостным и важным семейным событием. Женщина, у которой много детей, внуков, считается наиболее счастливой. Несмотря на это, особых условий для беременной женщины в дореволюционном прошлом не создавалось, единственно, что ей не позволяли делать в этот период ее жизни, — поднимать большие тяжести. Существовали

¹ Материал, собранный автором статьи в 1971 г. среди населения Южного Хорезма, излагается в тексте со ссылками на информаторов, сведения о которых даны в конце статьи. Информация была получена в основном от пожилых женщин и касалась в основном обычаев, существовавших в XIX — начале XX в.

В интересах этногенетических сопоставлений статья насыщена многочисленными аналогиями по другим народам Средней Азии.

² *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; *Худояр-хан Н.* Некоторые обычаи и суеверия у сартов, связанные с рождением ребенка. — Этнографическое обозрение, М., 1909, № 1; *Троицкая А. Л.* Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкентского и Чимкентского уездов. — В кн.: Сборник В. В. Бартольду. Ташкент, 1927; *Гершеневич Р. С.* О бытовой гигиене узбекского грудного ребенка. — Труды САГУ, серия XII-6. Этнография, вып. 1, Ташкент, 1928; *Моногарова Л. Ф.* Семья и семейный быт. — В кн.: Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969; *Сухарева О. А.* Мать и ребенок у таджиков. — В кн.: Иран, III. Л., 1929; *Троицкая А. Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — СЭ, 1935, № 6; *Она же.* Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана. — Труды ИЭ, 1971, новая серия, т. XCVII; *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф, вып. I. — Труды Ин-та археологии и этнографии АН Тадж. ССР, (Душанбе), 1953; *Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русайкина С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. — Труды ИЭ, 1954, новая серия, т. XXIV; *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. — Труды ИЭ, 1959, т. XLIV.

³ *Задыхина К. Л.* Узбеки дельты Аму-Дарьи. — ТХЭ, М., 1952, т. 1; *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

различные поверья, связанные с беременностью. Так, например, в Гурленском р-не считалось, что ни беременная женщина, ни ее муж не должны есть верблюжье мясо, иначе женщина будет 12 месяцев носить ребенка⁴.

Зафиксирован ряд обычаев и поверий, связанных с родами. Так, в Янгиарыкском р-не⁵ существовал обычай прикреплять по куску ваты к четырем углам комнаты, где рожала женщина: отпавшая вата означала, что ребенок скоро родится. В этом обычае немаловажную роль играл белый цвет ваты. Как известно, по поверьям многих среднеазиатских народов с каждым цветом связано особое свойство⁶. Белый цвет считался счастливым. Обычай прикреплять во время родов в углы комнаты по куску ваты имел место и у таджиков г. Бухары⁷.

Считалось, что с момента родов матери и ребенку особенно активно угрожают злые духи. Поэтому никому не сообщали, что у женщины начинаются родовые схватки («чтобы даже соседи об этом не знали») ⁸. Если сказать кому-нибудь заранее, роды будут очень трудными и долгими. По этой причине иногда даже повивальную бабку — *энаке, мама, эльты-мама*⁹ — звали в самый последний момент.

Кроме повивальной бабки, при родах присутствовали мать роженицы и две-три близкие родственницы. Если их не было, приглашали соседку, имевшую много детей и опыт в помощи роженицам. В качестве повитухи предпочитали здоровую, опытную, имевшую много детей или внуков женщину, чтобы ее свойства магическим путем передались роженице и ребенку.

В трудных случаях при родах женщину завертывали в одеяло — *курпа* и катали¹⁰.

Повитуха, приняв ребенка, перевязывала и перерезала пуповину *кендык*, ранку присыпала золой от сожженных нитей кокона шелкопряда. Этому нет аналогий в других местах, где ранку присыпали солью, землей, золой от сожженных волос матери, порошком, которым женщины чернят себе зубы, или нак-

ладывали на нее особый пластырь¹¹. Повивальной бабке за работу давали один кусок мыла, отрез ткани на платье и немного ваты¹².

Существовало немало довольно универсальных для многих среднеазиатских народов оберегов, имевших целью охрану роженицы и ребенка от злых духов, от сглаза¹³. В Южном Хорезме одним из распространенных оберегов была трава рута — *испанд* (*исвант* — Хазарасп). Комнату, где находилась роженица, окуривали испандом с солью — это, по словам информаторов, помогало, если роженицу сглазили. Когда начинались родовые схватки, женщина садилась над железной лопаткой — *бельча*. На лопатку насыпали горячие угли, бросали горсточку испанда и немного соли. Окуривали испандом также и новорожденного. Его держали над дымом около 5 минут мать или кто-либо из родственников. После родов повитуха обводила три раза вокруг роженицы и лежащего рядом с ней ребенка лопаточкой с испандом, стараясь не оставить неокуренной ни малейшей части тела. После окуривания роженица должна была плюнуть на лопаточку. Существовал и другой обычай, о котором нам сообщили в Хазараспе: от одежды человека, вошедшего в комнату, где лежит роженица с ребенком, отрывали небольшой кусочек, клали на железную лопаточку вместе с испандом и угольками, жгли и этим дымом окуривали мать с ребенком¹⁴. По словам того же информатора, люди, которые приходили навестить роженицу, входя в комнату, плевали на ребенка¹⁵ и говорили: «Тфалам». По устному объяснению Н. А. Кислякова, это, по-видимому, искаженное от «фалон» (такой, тот-то, некий). Так называли ребенка в связи с запретом произносить его имя. В Янгиарыкском р-не у того, кто случайно входил в комнату во время родов, повитуха надрывала одежду¹⁶.

Для облегчения родов открывали двери, замки в доме, а при тяжелых, затянувшихся родах неожиданно разбивали рядом с роженицей чайник, надеясь, что, испугавшись, она быстрее родит. Для того чтобы отогнать злых духов, под подушку женщине клали такие широко известные в Средней Азии обереги, как нож — *пчак*, перец — *калампыр*, лук, чеснок, тмин — *зира*. Все это делалось, по словам информаторов, для того, «чтобы роженица не видела плохие сны, чтобы к ней не приходили злые

⁴ Полевые материалы, Гурленский р-н (Н. Бабаджанова). Аналогичные поверья, связанные с верблюдом, отмечают авторы и для других мест Средней Азии (см.: *Снесарев Г. П. Реликты...*, с. 317—318; *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972, с. 30—31).

⁵ Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (З. Курбанова).

⁶ См.: *Писарчик А. К., Хамиджанова М. А.* Узорные изделия из кусочков материи. — В кн.: *Таджики Каратегина и Дарваза*, вып. 2. Душанбе, 1970, с. 212—213.

⁷ См.: *Троицкая А. Л.* Рождение и первые годы жизни..., с. 112.

⁸ Полевые материалы, Гурленский р-н (Б. Мадрахимова).

⁹ Как нам сообщили в Янгиарыкском р-не, в обязанности эльты-мама входило не только принятие новорожденного, но также укладывание его в колыбель — *бешик*, приглашение женщин на свадьбу, похороны (Полевые материалы, Янгиарыкский р-н; С. Каландарова).

¹⁰ Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (С. Урунова).

¹¹ См.: *Троицкая А. Л.* Первые сорок дней..., с. 351, 355; *Она же.* Рождение и первые годы жизни..., с. 116, 123; *Кисляков Н. А.* Семья и брак..., с. 51; *Сухарева О. А.* Мать и ребенок..., с. 136—137.

¹² Полевые материалы, Гурленский р-н (Р. Сытанова).

¹³ Подробнее об оберегах см., например, работу Г. П. Снесарева «Реликты...» (с. 39, 89—92).

¹⁴ Полевые материалы, Хазарасп (И. Машарипов).

¹⁵ Как пишет О. А. Сухарева, «слюна считается обладающей магической способностью передавать качество ее хозяина» (Мать и ребенок..., с. 139).

¹⁶ Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (С. Урунова).

духи, чтобы был покой»¹⁷. Существовали и другие способы защиты и помощи роженице. Например, если женщина тяжело рожала, брали у муллы написанную на листочке бумаги молитву — *дава*, завертывали ее в тряпочку и привязывали к ноге роженицы. После родов этот амулет прятали в трещину в стене дома. При тяжелых родах (как, впрочем, и при любой болезни) опускали в пшалу с водой молитву, написанную муллой на бумажке, а затем давали роженице выпить эту воду со смывыми с листка чернилами¹⁸. Для облегчения родов роженице спускали на грудь ее полностью расплетенные косы (Янгиарыкский р-н) или расплетали лишь концы спущенных на грудь кос (Гурленский р-н). Как отмечает Н. А. Кисляков, подобный обычай основан на принципах подражательной магии и имеет своей целью «облегчить», «развязать» роды¹⁹.

Интересно поверье, записанное в Хазараспском и Янгиарыкском районах²⁰. В период *чилля* (сорокадневия), который, как известно, считается самым опасным для новорожденного и его матери, двум женщинам нельзя было встречаться, так как в это время с одной на другую могли перейти несчастья, беды другой. У новорожденного младенца в этом случае могут на головке появиться *чилля* — незаживающие болячки²¹.

После рождения ребенка повивальная бабка купала его в тазу в подогретой воде. В воду опускали соль, глину со стен, монеты, скорлупу от яиц, которую клали для того, чтобы уберечь новорожденного от болячек.

Надо сказать, что состав предметов, которые клали в воду, хотя и имеет локальные различия у среднеазиатских народов, но во многом схож. Сведения о том, что в воду опускают соль, глину (землю), монеты (или золотые, серебряные кольца), сообщаются рядом авторов, однако интерпретируются они по-разному: так, например, у киргизов соль кладется для того, чтобы ребенок стал крепче²², у узбеков для того, чтобы избавить его от укусов мух, комаров, мошкар²³, или для того, чтобы предохранить ребенка от высыпаний²⁴. Эти предметы — мясо, сало, вата, пшеница, серебро, соль, земля, — по словам А. Л. Троиц-

кой, символизировали богатство, достаток, здоровье и счастье²⁵. Повитуха, искупав ребенка, вынимала монеты и брала их себе. Вода с разведенной солью, глиной, яичной скорлупой выливалась и закапывалась вместе с последом. У таджиков г. Бухары воду после купания выливали на то место, где закопан послед²⁶.

В Янгиарыкском р-не ребенка купали сразу же после рождения, в Шаватском это делали спустя семь дней. После мытья мулла читал отрывок из корана, и на этом обряд первого купания заканчивался. Места подопреостей у младенца припудривали сухим илом — *раш*, осевшим на дне арыка. Обычно еще до рождения ребенка этот ил заготавливали, складывая и просушивая у очагов.

Новорожденного завертывали в тряпки, оставшиеся от старых рубаш, халатов, или в стеганую рубашу или халат старого человека, что должно было способствовать долголетию ребенка.

Радостную весть о рождении ребенка родным и знакомым передавали чаще всего подростки в возрасте от 10 до 15 лет, а иногда и взрослые. У узбеков Северного Хорезма о рождении ребенка (особенно сына) сообщала повитуха сначала деду, а затем уже отцу²⁷. Извещая о рождении мальчика, обычно говорили: «Родился сын, дайте мне суюнчи». В Хазараспе за это давали обычно деньги, в Гурленском р-не — платок, рубашку, платье или отрез ткани²⁸.

Прежде чем мать прикладывала ребенка к груди, ему давали в рот кусочек сливочного масла (Хазарасп).

В первый день после рождения ребенка устраивали угощение — *тогыш-той* (*тугыш* — роды)²⁹, на которое гости приносили подарки в виде яичницы или сырых, а иногда и вареных яиц, конфет, сахара, а в некоторых местах и деньги. Основным блюдом на этом празднике была яичница с жареным мясом — *юмуртка ковурдак*, которую готовили следующим образом: в раскаленном растительном масле жарили куски мяса и лепешек, а затем все заливали 5—10 взбитыми куриными яйцами³⁰. Иногда это блюдо готовили и без мяса — только яйца и лепешки. Родившей женщине ее мать (в некоторых случаях вместе со свекровью) обязательно готовила после родов это блюдо, но на сливочном масле. О том, что в Хорезме строго соблюдалось правило, по которому первой пищей роженицы должны были куриные яйца, пишет Г. П. Снесарев. Он связывает этот

¹⁷ Полевые материалы, Гурленский р-н (Б. Мадрахимова).

¹⁸ Подобный прием был отмечен А. Л. Троицкой у таджиков г. Бухары (Рождение и первые годы жизни..., с. 114).

¹⁹ Кисляков Н. А. Семья и брак..., с. 50.

²⁰ Полевые материалы, Хазарасп (И. Машаринов); Гурленский р-н (Н. Бабджанова, А. Курязов).

²¹ О заболевании новорожденного — чилля, имевшем место в период сорокадневия, см.: Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычаи..., с. 253—254; Андреев М. С. Таджики..., с. 74. Последний пишет, что в Хуфе она носила название *чилгай-бемор*.

²² См.: Абрамзон С. М. Рождение и детство киргизского ребенка. — Сборник МАЭ, т. XII. М.—Л., 1949.

²³ См.: Гершеневич Р. С. О бытовой гигиене..., с. 4.

²⁴ Троицкая А. Л. Первые сорок дней..., с. 352.

²⁵ Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни..., с. 120.

²⁶ См.: Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни..., с. 121. Об обычае закапывания последа и связанных с ним обрядах и верованиях пишет Б. А. Литвинский в статье «О древности одного среднеазиатского обычая» (КСИЭ, М., 1958, № 30, с. 34—33).

²⁷ См.: Задыкина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи, с. 404.

²⁸ Полевые материалы, Гурленский р-н (Б. Мадрахимова).

²⁹ См.: Русско-узбекский словарь. М., 1954, с. 745.

³⁰ Полевые материалы, Хазарасп (И. Машаринов).

обычай с культом плодородия, с Амбар-она — мусульманизированной богиней плодородия, с курами, которые якобы сопутствуют ей и появляются вместе с ней при родах³¹. Позднее на тогыш-тое часто первым блюдом становится жареное мясо, вторым — плов, подают также пирожки — *гюмме*, пельмени — *барак*. На той приглашают родных, знакомых.

Во время чилля, как известно, роженица соблюдала специальную диету: ела легкую, преимущественно молочную пищу, бульоны, старалась есть меньше фруктов, редко мясо. Более строго диета соблюдалась в первое время после родов. По словам информаторов, неправильное питание матери могло отразиться на ребенке, вызвать у него какое-либо желудочно-заболевание. Вообще пище, которую ела родившая женщина до окончания чилля, придавали магическое значение. Так, например, разделив мясо овцы или быка после варки, ноги давали роженице якобы для того, «чтобы крепкие ноги были у ребенка, чтобы он быстрее пошел», давали ей также и мясо с шеи, «чтобы ребенок быстрее стал держать голову»³².

В Южном Хорезме, так же как и во многих других районах Средней Азии, в комнате, где находилась роженица с ребенком, в течение чилля огня не тушили, не оставляли ребенка одного, оберегая от злых духов — *аджина*. Из-за них, а также боясь сглаза, новорожденного из дома не выносили. Роженица также никуда не выходила, когда же ей надо было выйти ночью, ее сопровождали с лампой две-три женщины.

В период сорокадневия после родов, по существовавшим поверьям, наиболее опасным из-за злых духов считались пятая, седьмая и девятая ночи; особенно опасной была пятая ночь. По сведениям, полученным в Янгиарыкском р-не, в эту ночь вокруг роженицы с ребенком собиралось много народа, приходили родственники. В этот вечер (*беш акшам*) ели обычно плов или рисовую кашу — *шауля*.

На 5—7-й день после рождения, когда у ребенка уже отпадала пуповина, его купали во второй раз, впервые надевали на него одежду и устраивали праздник — *бешик-той*, на котором ребенка укладывали в колыбель. Приглашенный еще до бешик-тоя мулла на ухо ребенку произносил призыв на молитву — *азан* и называл его имя. Выбор имени ребенка иногда зависел от случайных обстоятельств. Так, если мальчик родился с родинкой — *мели* на лице, его называли Мелибай, если же ребенок рождался с наростом на ухе, лишним пальцем или же был поздним, уже не ожидавшимся, то мальчика называли Артык, девочку Зияда³³. К такого рода символическим именам иногда прибавляли одно

³¹ Снесарев Г. П. Реликты..., с. 241.

³² Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (С. Урунова).

³³ См.: Узбекско-русский словарь. М., 1959, с. 166, 307: *Зиёда* — излишек, свыше, больше; *ортик* — лишний, излишний, свыше, нарост.

из обычных мусульманских имен³⁴. В Хорезме, как пишет Ю. А. Рапопорт, до настоящего времени бытует обычай называть ребенка именем деда. Автор связывает это с давними представлениями о наследовании поворожденным души умершего родича³⁵. В Северном Хорезме на третий день после рождения ребенка мать несла его к свекру и клала ребенка ему на колени, чтобы он дал ему имя³⁶.

Вознаграждение, дававшееся мулле за наречение имени, по словам одного из информаторов, состояло из отреза ткани черного цвета, идущей на костюм, белой рубахи из шелка — *шои*, двух небольших лепешек — *чурек* и 10 руб.³⁷⁻³⁸

На бешик-той приглашались родственники и ближайшие соседи. Гости приносили в подарок ребенку одежду или отрезки тканей. Для приглашения гостей обычно посылали детей (а иногда и специального человека из взрослых), которым говорили, в какой дом, к кому надо зайти.

Для того чтобы окружающие знали, что в данном доме происходит торжественное событие, на самом видном месте — на крыше или на балке у входа в дом — прикрепляли *чаман* (цветник) — деревце без листьев, украшенное различного рода сладостями: конфетами, печеньем и пр. Иногда, как мы это видели в Янгиарыкском р-не, встречается модифицированный чаман, напоминающий «воздушного змея» (последний был доставлен на бешик-той). Чаман приносят не только на бешик-той, но и на некоторые другие праздники.

Г. П. Снесарев пишет, что украшенное, предварительно очищенное от листьев деревце употреблялось в обрядах, связанных с празднованием суннат-тоя. Исследователь связывает этот обычай с культом плодородия. Аналогии этому хорезмскому обычаю Г. П. Снесарев находит в Ферганской долине, где на суннат-тое и на празднике тюльпана также было принято украшать срубленные деревца³⁹.

Принесшему чаман, а им обычно был *джура* — сверстник отца ребенка, давали вознаграждение: овцу, отрез ткани, деньги⁴⁰.

Первую одежду на ребенка надевала обычно пожилая счастливая многодетная женщина (обязательно родственница) или повитуха. На младенца и теперь надевают особую рубашечку —

³⁴ Подробно об обычаях, связанных с наречением имени, см.: Сухарева О. А. Мать и ребенок..., с. 139—142; Кисляков Н. А. Семья и брак..., с. 55—56; Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта..., с. 173—174; Моногарова Л. Ф. Семья и семейный быт, с. 214—215.

³⁵ Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. — ТХЭ, М., 1971, т. VI, с. 32.

³⁶ См.: Задыкина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи, с. 404.

³⁷⁻³⁸ Полевые материалы, Гурленский р-н (Р. Сытанова).

³⁹ Снесарев Г. П. Реликты..., с. 199—200.

⁴⁰ См. № 11 списка информаторов.

куйлак из белой⁴¹ хлопчатобумажной ткани (в старину ее шили из кустарной ткани — *боз*) туникообразного покроя с горизонтальным вырезом ворота, поверх нее — также белую стеганную на вате рубаху, называемую в Янгиарыкском и Хивинском районах *джубба*, а в Гурленском и Шаватском — *курта*, *ак курта*. Джубба отличается от курта только тем, что ее шьют из более плотной ткани, и потому она более жесткая, в ней проложено больше ваты. Эта рубаха имеет такой же туникообразный покрой, как и нижняя; шьют ее без ластовиц, с боковыми разрезами снизу. Вырез ворота — горизонтальный, часто имеющий дополнительный разрез к плечу. Но эта традиционная форма ворота в настоящее время претерпевает изменения. Встречаются рубахи с глубоким вырезом овальной формы, с прямоугольным вырезом, с вертикальным разрезом на груди или ближе к плечу, скрепленным завязками. В более теплое время года на новорожденного надевали рубашечку — *астартыш*. Она отличается от выше-названной джубба лишь тем, что хотя ее так же, как и последнюю, шьют на подкладке, но простегана она без ваты и стежка у нее менее частая. Подол у рубах ребенка обычно не подшивали лет до 6—7. Объясняли обычай по-разному: по словам одних — «чтобы ребенок рос»; из объяснений других следует, что раньше существовало поверье: если подшить подол, ребенок будет последним — мать его больше не родит⁴². Ворот и низ рукавов рубахи обычно подшивали. По устному сообщению М. В. Сазоновой, в Ханки считалось, что все злое и вредное, попавшее на ребенка, выйти через подшитые ворот и рукава не может: там прошла игла, которая, как известно, считалась оберегом⁴³. Для того чтобы то зло, что находится на ребенке, могло найти выход и покинуть его, и оставляли подол рубахи неподшитым.

В Шаватском р-не у грудных детей иногда оставляли неподшитыми не только подол, но и рукава рубахи, что характерно для узбеков Северного Хорезма, где, по словам К. Л. Задыхиной, «грудные дети одеты в рубашечки, шитые швами наружу, рукава и подол которых не подрубаются»⁴⁴.

На голову новорожденному надевали шапочку, стеганную на

вате — *чилля топпы*, которую ребенок носил до окончания чилля. Топпы обычно шили из шелковой ткани, чаще всего с рисунком типа *абр*, швами наружу. Форма этих шапочек в основном цилиндрическая, они имеют несколько выпуклый верх. К топпы новорожденного прикрепляли различного рода обереги от злых духов и от «сглаза». Иногда от «сглаза» при шитье верха шапочки вставлялся треугольник из другой ткани.

Когда у женщины рождался первый ребенок, ее родители приносили продукты для бешик-тоя, одежду для ребенка и деревянную колыбель со всеми принадлежностями⁴⁵. Роль матери роженицы в этих обычаях говорит о пережитках матрилокальных отношений.

По своей форме колыбель узбеков Южного Хорезма относится к обычному среднеазиатскому типу, и набор принадлежностей к ней довольно универсален, имеется разница лишь в отдельных деталях и терминологии. Снизу к колыбели для качания приделывали изогнутые поперечные полозья — *юрга* (Шаватский р-н). Верхнюю круглую в поперечном разрезе перекладину — *бешик таяк*, соединяющую обе спинки колыбели, вырезали обязательно из плодового дерева (Хазарасп). В связи с этим можно отметить, что в Самарканде в период чилля около порога комнаты, где находилась роженица с ребенком, вбивали кол из плодового дерева, что являлось как бы оберегом для женщины и ребенка (то, что его делали из плодового дерева, по словам автора, имело магическое значение — сделать мать плодovitой⁴⁶). Г. П. Снесарев отмечает, что культ плодовых деревьев являлся «одним из существенных компонентов культа плодородия в целом... С фруктовыми деревьями и их плодами связаны различные обряды, призванные магическим путем способствовать плодovitости»⁴⁷.

Записанные в Янгиарыкском и Гурленском районах названия принадлежностей колыбели несколько различаются между собой. Так, например, накидываемое сверху на бешик особой формы стеганное на вате покрывало в Янгиарыкском р-не носит название *ёр уртки*, а в Гурленском — *бешик курта*. Для привязывания ребенка к колыбели употребляли две сшитые из ткани полосы на подкладке, верх которых раньше делали из шелка — *шои* (сейчас их нередко шьют из вельвета). Название одной из таких полос, служившей для скрепления ног, — *аяк баг* — Янгиарыкский р-н; *аяк бау* — Гурленский р-н; для скрепления рук — *кол баг* Янгиарыкский р-н и *кол бау* — Гурленский р-н. Полосы, которыми привязывали ребенка к колыбели, должны были перейти ему от

⁴¹ По имеющимся сведениям, в старину и стеганое одеяло, которым прикрывали ребенка, тоже шили из ткани белого цвета.

⁴² Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (З. Курбанова), Шаватский р-н (О. Сабирова). В Фергане в первые годы жизни ребенка низ его рубашки или халата не подшивали, так как существовала примета, «что в противном случае последующий ребенок не будет жить» (Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта..., с. 177). У таджиков Каратегина из-за боязни, что нарушится благополучие, не подрубают подол рубах у девочек до самого замужества (Широкова З. А. Одежда. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2, с. 190).

⁴³ Вера в значение иглы как оберега широко распространена (см.: Гордлевский В. А. Из османской демонологии. — Избранные сочинения, т. III. М., 1962, с. 301).

⁴⁴ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи, с. 389.

⁴⁵ Подробно о бешике и принадлежностях к нему, о праздновании бешик-тоя (тадж. — говора бандон) см.: Сухарева О. А. Мать и ребенок..., с. 143—152; Кисляков Н. А. Семья и брак..., с. 56—57; Гершеневич Р. С. О бытовой гигиене..., с. 6—10; Троицкая А. Л. Первые сорок дней..., с. 356—359; Она же. Рождение и первые годы жизни..., с. 125—128.

⁴⁶ См.: Сухарева О. А. Мать и ребенок..., с. 134.

⁴⁷ Снесарев Г. П. Реликты..., с. 197—198.

отца, «чтобы и следующий ребенок был мальчик»⁴⁸. Концы этих полос обычно загибались, и в образующийся рубец вставлялась палочка — *чилиик* с веревкой. Под спинку ребенка подкладывали матрасик, называемый в Янгиарыкском р-не *арка душекче* (*орка* — спина; *душек* — подстилка). Сверху клали еще два матрасика с отверстиями, совпадающими с отверстием в нижней доске бешика, куда вставлялся глиняный горшочек — *тувек*. Матрасики набивались шелухой от риса, а потому носили в Янгиарыкском р-не название *каузча* (нижний — *ули каузча*).

В Гурленском районе такие матрасы набивали шелухой от проса и называли их *кавузлак*. Под ноги ребенку подкладывали подушку — *аяк теке*. (Янгиарыкский р-н), *аяк ястык* (Гурлен), а под голову — *баш ястык*. В Гурлене, кроме того, подстилали стеганное на вате одеяло — *курпача* с отверстием для горшочка. Сверху младенца накрывали более тонким одеялом. Ноги ребенка пеленали стеганой полосой ткани — *аяк орал* (Янгиарыкский р-н). Для стока мочи употребляли деревянные трубки — *сувек*, разные по форме для девочки и мальчика.

Мать кормила ребенка грудью, не вынимая его из колыбели. Некоторые матери вообще вынимали новорожденного из колыбели только по вечерам, на руки ребенка избегали брать. Иногда из бешика ребенка перекладывали в деревянную, похожую на корытце колыбель — *ханкильчак*, *сарынджак* или в подвесную, сшитую из ткани люльку. Подобного рода люльки подвешивали в доме к балке потолка (часто на крытом айване), а в теплое время года — в саду на деревья или делали для них деревянные или металлические «козлы».

Как уже отмечалось выше, ребенка на бешик-тое в колыбель укладывала многодетная женщина или повивальная бабка. При этом она приговаривала: «Ничего не бойся, расти здоровым, будь храбрым, живи долго». Когда ребенок был уже привязан к колыбели, над покрывалом, закрывающим ее, сыпали сушеные фрукты (урюк, джиду и пр.), сахар, конфеты, произнося при этом: «Бисмилла». Сласти подбирали и съедали присутствующие на бешик-тое женщины в надежде, что это поможет им тоже родить ребенка («чтобы бог им тоже дал счастье — потомство») ⁴⁹. Затем повитуха брала лепешки — *нан*, разламывала их на куски и раздавала присутствующим, приговаривая при этом: «Хлеб даю, а сон беру». Хлеб свадебных и прочих тоев, отмечает Г. П. Снесарев, «обладает якобы скрытой в нем силой, своего рода маной, способной магическим путем передаваться тому, кто этот хлеб получает, и благотворно повлиять на его будущее» ⁵⁰.

За работу на бешик-тое повитухе чаще всего давали отрез ткани на платье. Гостям ребенка не показывали. Утром перед

тоем готовили очень длинную лапшу — *уноши*, днем ее раздавали гостям. Большая длина лапши должна была магически способствовать долголетию ребенка. В этой связи отметим обычай, имевший место в Самарканде: у ворота рубахи ребенка оставляли длинную, почти до земли нитку, что тоже призвано было обеспечить его долголетие ⁵¹.

Мать родившей женщины приносила на той *баурсак* (жаренные в масле кусочки теста, имеющие часто ромбовидную форму), *катлама* (слоеные лепешки) или продукты, необходимые для их приготовления. Баурсак пользовался широкой популярностью. Это обрядовое печенье готовили и на лачек-той — праздник, устраиваемый после рождения у женщины одного-двух детей, когда ей надевали высокий головной убор — *лачек* из цветных платков как символ перехода ее в другую возрастную группу, и при вселении в новый дом, а также на религиозные праздники Курбан и Ураза-хаит. Широкое употребление баурсака объяснялось тем, что запах жареного якобы отпугивает злых духов и является пищей для духов предков. Как отмечает Ю. А. Рапопорт, еще согласно Авесте зарождение ребенка в чреве матери «происходит благодаря фраваш — духам умерших... фраваш теснейшим образом связаны с Ардвисурой Анахитой... при их посредстве осуществляются круговорот воды, движение соков и произрастание растений» ⁵².

Во время приготовления баурсаков женщины гадали по их форме, кто родится у них в дальнейшем — мальчик или девочка. Уходящим с той гостям принято было давать баурсаки с собой в качестве пожелания дожить до того же тоя.

В оставшемся после приготовления баурсака масле жарили лепешки — *катлама*, а затем варили плов. В старину на бешик-той плов готовили редко. Продукты, нужные для его приготовления, доставляла мать роженицы. Приглашенные на той гости приносили с собой дастарханы с лепешками и пирожками (*патур*, *курмуш*), пельменями и пловом. Каждая гостя, приносящая лепешки в дом, где происходит той, «обязательно получает в свою очередь праздничные лепешки, которыми она, возвращаясь домой, «причащает» своих близких» ⁵³.

По полученным сведениям, в старину основными на бешик-тое были блюда из джугары. Некоторые считают, что их готовили «из-за бедности» или в голодные годы, но подобного рода мнения немногочисленны. Преобладают высказывания, что джугара являлась (и является) наиболее излюбленным видом пищи. Это подтверждается и тем, что одной из первых культур джугара называется и в легендах о первоначальном заселении побережья Амударьи в районе современного Ханки.

⁴⁸ Снесарев Г. П. Реликты..., с. 92.

⁴⁹ Полевые материалы, Гурленский р-н (Н. Бабаджанова).

⁵⁰ Снесарев Г. П. Реликты..., с. 227.

⁵¹ Моногарова Л. Ф. Семья и семейный быт, с. 216—217.

⁵² Рапопорт Ю. А. Из истории религии..., с. 32.

⁵³ Снесарев Г. П. Реликты..., с. 101—102.

На бешик-той приглашали *халпа* — чтиту эпических и религиозных произведений. Ее звали обязательно, особенно если женщина родила в первый раз. Вечером на этом тое устраивали *бувак* (собрание бабушек, вероятно, от *буви* — бабушка), на котором сидящие халпа и семь старух занимались вольной импровизацией, протекавшей в форме диалогов: одна спрашивала, а другая отвечала — все в рифму. (Это напоминает игру *байт-барак*, в которой один человек читает какой-либо стих, а другой отвечает ему другим стихом, начинающимся с буквы, которой кончается первый стих.) Состязание продолжалось 3—4 часа. После этого участники ели фрукты, конфеты, пили чай, а затем подавался плов. После еды халпа читала краткую молитву — *патия* и все расходились. Мулла на этот той не звали. В богатые дома раньше приглашали 8—10 халпа. Присутствовавшие, сидевшие в комнате, бросали деньги, которые потом делили между собой все халпа и повар — *ошпаз*⁵⁴. Халпа приглашали не только на бешик-той, но и на *соч-той* — праздник по поводу первой стрижки волос у ребенка, суннат-той, свадьбу, лачек-той, поминки.

Для того чтобы ребенку не навредили злые духи, в колыбель под подушку помещали обычные обереги: лепешку (или специально изготовленную маленькую лепешку — *чурек*), поверх которой клали красный перец — *бурч*, лук и маленький нож. Узелки с этими предметами, а также с солью и отрезанной пуповиной ребенка привязывали к колыбели. Как известно, пуповине в обычаях, связанных с женщиной и ребенком, отводилась большая роль⁵⁵.

Еще 30—40 лет назад в Хазараспском р-не, например, после рождения ребенка, а также позднее, при его болезнях, повитуха лизала языком пуповину, а затем, окуривая ребенка и мать испандом, приговаривала, обращаясь к испанду: «Хазар исвант (повторяется 2 раза) тут масам менда гуна, амма кылмасанг — сенда гуна» (Я окуриваю их, если я не окурю, то моя вина, если не сохранишь, то это будет твоя вина⁵⁶). В Гурленском р-не пуповину клали в теплую воду, давали ребенку сначала ее лизнуть, а потом выпить эту воду. Применялось подобное «лечение» при желудочных заболеваниях. В Хиве «лечили» ребенка несколько иным способом: пуповину свертывали, а затем, завернув в вату, обматывали в топленое сливочное масло — *сарыяг*. Потом ее привязывали к ребенку — и через 5—6 дней ему якобы становилось лучше. Пуповину хранили в сундуке до рождения следующего ребенка.

⁵⁴ Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (С. Урунова).

⁵⁵ О различных способах использования пуповины при родах для предотвращения зла в качестве оберега и в других случаях см.: Худояр-хан Н. Некоторые обычаи..., с. 136; Сухарева О. А. Мать и ребенок..., с. 37; Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни..., с. 116, 123.

⁵⁶ Полевые материалы, Хазарасп (И. Машарилов).

После окончания сорокадневия⁵⁷ мать с ребенком шла к ближайшим соседям и родственникам, которые угощали ее — давали различные сласти. В дом женщины, родившей ребенка, приходили гости, чтобы поздравить ее и посмотреть на ребенка — *юз горим* (*юз курим* — я вижу лицо). Гости в виде вознаграждения давали деньги.

Когда у ребенка прорезался первый зуб, устраивали праздник — *диш-той*, на который приглашали лишь небольшой круг самых близких людей: родных, соседей (мулла не звали). Считалось, что праздник этот надо устраивать обязательно, тогда у ребенка будут быстрее и лучше прорезаться зубы. Основным блюдом на празднике был суп — *калла шурва*, приготовленный из головы барана. По обычаю еще до варки челюсти барана разрывали над головой ребенка на две части, подрезав сбоку сухожилия. Все это делалось для того, «чтобы у ребенка легче прорезались зубы»⁵⁸. Ели не только мясо с головы барана, но и мозги. Этот обычай связан, как нам представляется, и с тем, что баран считался оберегом. Как известно, баранов-производителей (*кучкор*) специально держали в тех домах, где были дети. «По-всеместным, — пишет Г. П. Снесарев, — был обычай бросать первый выпавший у детей зуб на то место, где постоянно находились бараны»⁵⁹. Кроме указанного выше блюда, на диш-тое варили плов и *курдук* — суп с мясом и мучными клецками (Шаватский р-н).

Праздник по случаю первой стрижки волос ребенка — *соч-той*, *кокил-той* — совершался в разные сроки, когда ребенку исполнилось от года до 3 лет. В семьях малоимущих иногда вообще не устраивали такой той, зато богатые проводили его с большой пышностью, приглашали много людей. На празднике обычно присутствовали старики, родные и соседи с семьями, мулла и парикмахер — *сартарош*, который, срезая у ребенка волосы, оставлял у мальчика на темени один пучок — *хайдар* (иногда рождались дети с необычно длинными волосами, которые также называли хайдар, но их срезали позднее, уже на суннат-тое⁶⁰). По сведениям, полученным в Шаватском р-не, мальчику срезали почти все волосы, оставляя немного по краю вокруг головы — *карын сач* (о том, что в Северном Хорезме существует такой же обычай и что карын-сач оставляли как у мальчиков, так и у девочек, пишет К. Л. Задыхина⁶¹).

Девочке также состригали все волосы, оставляя на макушке по обе стороны темени две пряди — *кокил*. Парикмахер за работу

⁵⁷ Подробнее об обрядах, связанных с окончанием сорокадневия чилля, см.: Кисляков Н. А. Семья и брак..., с. 57—58; Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта..., с. 175; Троицкая А. Л. Первые сорок дней..., с. 360.

⁵⁸ Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (С. Урунова).

⁵⁹ Снесарев Г. П. Реликты..., с. 316.

⁶⁰ Полевые материалы, Хазараспский р-н (Р. Сабирова).

⁶¹ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи, с. 395.

получал рубаху (или отрез ткани на нее), деньги в платке, лепешки.

Срезанные волосы отдавали матери ребенка, которая их прятала. В Южном Хорезме, как и в других местах Средней Азии, был распространен обычай, согласно которому в семьях, где дети не выживали или тяжело болели, срезанные у них волосы относили на мазар того святого, под покровительство которого этот ребенок был отдан. Часто срезанные волосы завертывали в кусок ткани и, сделав из них обереги — *тумар*, пришивали последние к шапочке ребенка или к его одежде на спину. Иногда волосы вкладывали в серебряный тумар, который также пришивали на спину. В подобного рода тумарах использовалась сакральная сила волос, которая якобы заключалась в их быстром росте. Эта сила должна была как бы содействовать быстрому и благополучному росту ребенка. С такой же целью ее использовали в Хорезме и в земледельческой практике⁶². В Янгиарыкском р-не существовал интересный обычай: сделанный из волос мальчика, срезанных на соч-тое тумар мать хранила в сундуке до свадьбы сына, когда передавала тумар жене сына и та подвешивала его на цепочке себе на шею⁶³.

Мулла, приглашенный на соч-той, читал молитву. Иногда не парикмахер, а мулла срезал немного волос у ребенка, которые мать его затем прятала в сундук или в какую-нибудь щель в стене. По существовавшим поверьям, выбросить или потерять первые срезанные у ребенка волосы было опасно: во-первых, потому, что их могли разнести по своим гнездам птицы и тогда якобы у ребенка будет всю жизнь болеть голова; во-вторых, если птицы их расклюют, ребенок может облысеть.

Через три дня после первого срезания волос, а также ногтей приходила бабушка ребенка со стороны матери; ей должны были обязательно дать в подарок белую ткань и деньги.

После первой стрижки волосы ребенка продолжали время от времени срезать сами родители, однако они не трогали оставленных на соч-тое пучков волос. Девочке стригли волосы лет до 5—6, затем прекращали, а когда они достаточно отрастали, вплетали оба оставленные с соч-тоя кокиля в косы. Девочке 6—7 лет в волосы вплетали в качестве оберегов верблюжью шерсть вместе с *илан баши* — раковинами каури, подвешенными на шнурках. Мальчику 5—7 лет пучок волос, оставленный с соч-тоя, состригали на суннат-тое — празднике по случаю обрезания, связанном генетически с переходом мальчика в другую возрастную группу. Иногда это делали за несколько дней до или после суннат-тоя. При этом также устраивался праздник — соч-той, кокил-той. На него приглашались мулла для чтения молитв и парикмахер, который состригал хайдар у мальчика. За свою

работу парикмахер получал отрез белой ткани на рубаху или готовую рубаху и отрез черного бархата; мулле же давали отрез ткани, деньги, лепешки.

Срезанный на суннат-тое хайдар мать мальчика прятала, завязав в тряпочку, в щель стены дома или в какую-нибудь дыру под полом. Это делалось, как отмечает О. А. Сухарева, для того, чтобы волосы «росли, как тал, чтобы ребенок жил долго»⁶⁴. Иногда хайдар, завернутый в белую тряпочку, закапывали под плодовым деревом (урюком, яблоней): это, как уже отмечалось выше, связано с идеей о стимулирующей силе волос, об их магическом воздействии на рост растений.

Кроме указанных выше способов, волосы, срезанные у мальчика, завязав также в белую тряпочку или платок, прикрепляли в доме к балке потолка или мать ребенка прятала их в сундук, в котором они хранились до тех пор, пока этот человек не умирал. После его смерти хайдар вынимали и, запрятав в саван покойника — *капин*, хоронили вместе с умершим, «так как волосы обязательно должны быть похоронены вместе с телом»⁶⁵.

Срезанные на суннат-тое волосы мальчика обычно прятали отдельно от отрезанного кусочка крайней плоти. Эту частицу, завернув ее в тряпочку, мать мальчика хранила в сундуке или зашивала в матрац, на котором она спала⁶⁶. Жечь волосы, по словам большей части информаторов, было нельзя.

На соч-той готовили обычно блюда: плов, суп-шурву с мясом и жаркое — *ковурдак* из жареного мяса, лука и помидоров.

Как только ребенок немного подрастал (к моменту прорезания зубов), на него надевали поверх рубахи передник (слонявку) — *сулак* (*сулак* — слюна), *сулякай*, *сулейкей* (Хазараспский и Янгиарыкский районы), *алдыкча*, *алдыкча* (Гурленский и Шаватский районы). Этот передник шили из лоскутов тканей, имеющих в основном треугольную и четырехугольную формы и называемых *курак*, *курамыш*. В настоящее время шьют большей частью передники, у которых отдельные детали скроены из тканей разного цвета. По своему покрою такой передник имеет вид безрукавки с вертикальным разрезом сзади (посредине), идущим сверху до низу. Края разреза скрепляются с помощью завязок. Передник шьется на кокетке, имеет округлый по шее вырез ворота, у которого в некоторых случаях делаются дополнительные разрезы к плечам — *энынг усты*. От проймы рукава — *умыз* иногда идет вниз боковой разрез — *янбаши*. Подол передника тоже не подшивали. Ребенок носил такой передник до 3—4 лет. Как извест-

⁶⁴ Сухарева О. А. Мать и ребенок..., с. 154.

⁶⁵ Полевые материалы, Гурленский р-н (Р. Сытанова).

⁶⁶ Полевые материалы, Гурленский р-н (С. Сытанова), Шаватский р-н (Р. Султанова). Об обычаях, связанных с отрезанной частицей крайней плоти, см.: Снесарев Г. П. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте. — Труды ИЭ, 1971, новая серия, т. XCVII, с. 262; Абрамзон С. М. Рождение и детство..., с. 90.

⁶² См.: Снесарев Г. П. Реликты..., с. 167—168.

⁶³ Полевые материалы, Янгиарыкский р-н (З. Курбанова).

но, лоскуткам тканей, из которых шили передник, приписывали охранные свойства — отводить «дурной глаз» и т. д.⁶⁷

По сведениям, полученным в Шаватском р-не, если женщина долго (более 10 лет) не рожала, она шла в соседние благополучные (многодетные) семьи и собирала там лоскутки тканей, из которых шила детский передник — *эдикча* в надежде на то, что это поможет ей родить ребенка.

Интересно упомянуть еще об одном старинном обычае (запись сделана в Янгиарыкском р-не). Если молодая женщина три-четыре года не рожала, устраивали *лачек-гой* — праздник повязывания головного убора, что обычно совершалось только после рождения ребенка. Магический смысл этого обычая очевиден.

Кроме передников, другие предметы детской одежды, сшитые из лоскутков тканей, в Южном Хорезме встречаются сравнительно редко. Лишь в Шаватском р-не мы видели характерную для узбеков Северного Хорезма детскую рубашу из кураков — *курамыш курта*, а в Янгиарыкском р-не — летнюю детскую рубашу — *джубба*, по низу которой нашит ряд треугольных кураков. О свойствах, приписывавшихся куракам, в настоящее время знают немногие. Большинство информаторов считает, что делает это «для красоты».

Когда ребенок пошел первый раз, его родители устраивают праздник *аяк-гой*⁶⁸, на котором ребенка одевает уже его мать. В Гурленском р-не на него надевали стеганую рубашу, передник из кураков и шапочку. На ноги зимой надевали кожаные сапоги — *этык*. На аяк-гой приглашали обычно только соседей и родственников, угощали пловом и шурвой.

Штаны на ребенка в настоящее время надевают тогда, когда он начинает ходить. Раньше их надевали довольно поздно, в 3—6 лет.

Последний вопрос, на котором следует остановиться, связан с детскими амулетами и другими оберегами⁶⁹ (о некоторых из них уже упоминалось выше). Поэтому коротко перечислим состав амулетов и изменения в нем, зависящие от возраста ребенка. Когда ребенка клали в колыбель, на его голову надевали стеганную на вате шапочку, к которой прикрепляли ряд амулетов от «сглаза» и злых духов: например, тумарча, сшитый из куса ткани с заложенной внутрь бумажкой — текстом молитвы или верблюжьей шерстью, и бусинку — *гузмунчок*. Несколько позднее на шапочку нашивали две раковины каури, а иногда для того, чтобы ребенок чего-нибудь не испугался, — челюсть рыбы —

балык танглай. Рыба в Хорезме была распространенным оберегом.

К шапочке полугодовалого ребенка, как мы видели в Хивинском р-не, прикрепляли гузмуджик в виде керамической с зеленой поливой семиконечной звездочки (по словам некоторых информаторов, гузмунджик может быть любой формы⁷⁰). Кроме гузмунджика, к шапочке ребенка прикрепляли маленький мешочек прямоугольной формы, сшитый из ткани, с семенами перца, солью, *кепек* (мукой крупного помола); илиштирик — палочка длиной 2—3 см, вырезанная из древесины боярышника (считавшегося священным деревом) и упомянутые выше раковины каури.

После того как ребенок начинал ходить, к его шапочке пришивали перья филина — *ипар* и когти птиц — *куштырнак*. В дальнейшем, когда ребенок подрастал, перья филина снимали, но когти оставляли: их завертывали в тряпочку и, сделав треугольный амулет, пришивали к шапочке ребенка. Надо отметить, что поверья, связанные с филином и когтями птиц, были широко распространены среди народов Средней Азии и Казахстана; они сосредоточены в основном вокруг рождения ребенка и охраны его от злых сил.

Амулеты, как уже отмечалось выше, пришивали не только к шапочке ребенка, но и к его одежде. На рубашу со спины пришивали упомянутый выше амулет, сшитый из ткани, или деревянный илиштирик с выемками на концах и посередине, к которому привязывали верблюжьей шерстью. Матерчатый амулет, по словам информатора из Хивы, чаще всего прикрепляли к одежде беспокойного, капризного ребенка. Для этого его несли к мулле, который зашивал бумажку с текстом молитвы в кусок ткани; такой треугольник пришивали на спину снаружи или же под рубашу ребенка⁷¹.

В заключение следует подчеркнуть, что южнохорезмские поверья, обряды и обычаи, связанные с беременностью женщины, рождением и первыми годами жизни ребенка, имели много общего с аналогичными обычаями других народов Средней Азии и Казахстана и были характерны для оседлого населения земледельческих оазисов Узбекистана. Это и понятно: у всех народов этой историко-этнографической области подобного рода обрядность преследовала одну цель — была призвана обезопасить и уберечь рожицу и новорожденного от вреда со стороны злых духов и «дурного глаза», а также магически способствовать тому, чтобы ребенок приобрел все самые лучшие качества (здоровье, красоту, смелость и т. п.) и чтобы его мать имела еще много детей. Не последнюю роль в широком распространении и стойкости подобных обычаев играла и очень высокая в дореволюционном

⁶⁷ См., например: Писарчик А. К., Хамиджанова М. А. Узорные изделия..., с. 204.

⁶⁸ Об обычаях, связанных со временем, когда ребенок начинает ходить, см.: Гершенович Р. С. О бытовой гигиене..., с. 11; Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни..., с. 132.

⁶⁹ Подробнее см.: Снесарев Г. П. Реликты..., Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма. — Сборник МАЭ, 1970, т. XXVI, с. 131—134.

⁷⁰ Полевые материалы, Хивинский р-н (У. Маширипова).

⁷¹ Полевые материалы, Хивинский р-н (Ш. Джаббергенова).

прошлом детская смертность, причиной которой были невежество, отсутствие самых элементарных понятий о правилах санитарии и гигиены, отсутствие медицинской помощи. Однако нельзя не отметить, что неграмотные и невежественные повитухи, принимавшие ребенка, знали и в ряде случаев применяли рациональные приемы народной медицины.

Параллели к приведенному нами, к сожалению, неполному материалу мы находим прежде всего у таджиков г. Бухары, что, может быть, объясняется территориальной близостью и взаимовлиянием. Вместе с тем хотелось бы отметить, что наряду с терминологическими различиями некоторые из зафиксированных нами в Южном Хорезме обычаев и поверий, например присыпание ранки на пуповине золой от коконов шелкопряда, надрывание одежды у входящего в комнату во время родов, опускание в воду при первом купании ребенка скорлупы от яиц, пища, детали детской одежды, отдельные обычаи и поверья, связанные с волосами, обереги и др., в довольно обширной и детальной литературе, относящейся в основном к оседлому населению Средней Азии, нами встречены не были, а потому возможно, что они специфичны только для района наших исследований. В этих обычаях отразились верования древнего населения Южного Хорезма.

Под влиянием советской социалистической культуры, с повышением благосостояния населения и с совершенствованием медицинского обслуживания навсегда исчезла почва для сохранения ряда вредных обычаев. Беременная женщина сейчас окружена большой заботой и вниманием как со стороны членов своей семьи, так и со стороны государства. В 1972 г. бюджетные ассигнования из средств государственного социального страхования на выплату пособий по беременности и родам достигли в Узбекской ССР почти 40 млн. руб., а численность врачей-гинекологов и акушеров — 13 тыс. человек. Это отмечалось на открывшемся 1 ноября 1972 г. в Ташкенте 1-м съезде акушеров-гинекологов Узбекистана⁷².

В настоящее время женщины Южного Хорезма рожают в родильных домах или родильных отделениях больниц, имеющих в каждом колхозе. Такой родильный дом мы видели в колхозе «Правда» Шаватского р-на и в колхозе «Ленинизм» Гурленского р-на; в последнем акушерками работают молодые выпускницы Хивинского медучилища Дарман Уразметова и Хадича Искандерова. Число родовспомогательных учреждений в области растет из года в год. Например, в колхозе «Коммунизм» Гурленского р-на в 1962 г. были лишь больница на 15 коек и родильный дом на 8 коек, а спустя 10 лет уже действовала больница на 50 коек с родильным отделением, поликлиника, женская консультация, 5 медпунктов. Начато строительство нового корпуса больницы на 100 коек, нового родильного дома. Если в 1961 г. в

больничных условиях было принято 89 родов, то в 1971 г. — 450⁷³.

При каждом колхозе имеются фельдшерско-акушерские пункты. Если рожают в домашних условиях, акушерку приглашают обычно на дом. Праздник по случаю рождения ребенка устраивают уже при возвращении матери с новорожденным из родильного дома (этот праздник иногда проводят не только для первого ребенка, как это было раньше, но и для последующих детей).

Изменился и обряд, связанный с наречением имени ребенку. Сейчас имя дают сами родители. Наряду с традиционными появились уже и новые имена, а также имена, распространенные у других братских народов.

Широко входят в быт населения и новые обряды. Так, в каждом четвертом колхозе области открыт созданный силами общественности при кишлачных Советах и колхозных клубах «Дом счастья», в котором наряду с другими обрядами (комсомольскими свадьбами, вручением свидетельств о браке, паспортов и др.) в торжественной обстановке вручаются и свидетельства о рождении ребенка.

Медицинские учреждения немедленно берут новорожденного на учет и под систематическое наблюдение. Ему делают профилактические прививки, матери дают советы по гигиене и уходу за ребенком. Лекции на эти темы читаются и в «Народном университете гигиены и культуры быта», функционирующем, например, с 1964 г. в колхозе «Коммунизм» Гурленского р-на. Этот университет по итогам Всесоюзного смотра удостоен диплома III степени. Вопросам, связанным с воспитанием ребенка, посвящаются и родительские конференции. Подобная городская конференция проводилась, например, в феврале 1971 г. в Хиве.

Резко снизились случаи детской заболеваемости и смертности, что составляло в прошлом очень серьезную проблему. К 60-м годам детская смертность на первом году жизни по сравнению с дореволюционным временем в Узбекистане сократилась в семь раз⁷⁴. Об уменьшении детской смертности нам говорили все собеседники.

Исчезает постепенно из быта и традиционная колыбель — бешик; в семьях появились детские кровати и коляски. Игрушки, в частности куклы, раньше делали сами, изготавливая их из глины, дерева, тряпок. Мячи — *топ* вязали из ниток, а из глины лепили различных животных и домашнюю утварь. Делали также воздушных змеев — *бод варак*, которые запускались в начале весны, всевозможные вертушки, игрушечные арбы и пр. В настоящее время дети повсеместно играют покупными, фабричного произ-

⁷² Газ. Правда Востока, 1972, 3 ноября.

⁷³ Газ. Хорезмская правда, 1972, 27 января.

⁷⁴ Народы Средней Азии и Казахстана (серия Народы мира), т. I. М., 1962, с. 338.

водства игрушками; самодельных игрушек мы нигде не видели. Улучшилось и питание детей младшего возраста. В области сейчас имеются детские поликлиники с молочной кухней.

Так как число детей в каждой семье обычно велико (в среднем 5—6 человек), то большую помощь женщинам в воспитании ребенка оказывают ясли и детские сады, число которых непрерывно растет. По сообщениям статистического управления Хорезмской обл., в 1970 г. постоянно в детских садах и яслях находилось более 13 тыс. детей (кроме того, в сезонных детских учреждениях — 5 тыс.), а в 1971 г. в постоянных детских садах и яслях воспитывалось уже почти 15 тыс. детей⁷⁵. В Хазараспе мы видели новый детский сад на 140 мест. Это здание современного типа со всеми удобствами. К услугам ребят светлый просторный зал для игр и музыкальных занятий, уютные спальни. В Гурленском р-не создано межколхозное объединение — все колхозы этого района имеют детские сады и ясли, действующие круглый год. В октябре 1970 г. ЦК КП Узбекистана и Советом Министров республики было принято постановление «О состоянии и дальнейшем развитии общественного дошкольного воспитания в республике», согласно которому каждый колхоз будет иметь стационарные круглосуточные действия детские сады и ясли. Особенно важную роль в периоды обработки посевов и уборки урожая играют сезонные детские сады и ясли. Их в области насчитывается 622. В 1971 г. там воспитывалось 14 тыс. детей⁷⁶.

В колхозах, которые мы посетили, нам называли многодетных женщин, которым Указами Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание «Мать-героиня» и они награждены орденами «Материнская слава» I степени. Среди них — Тухта Рузметова из колхоза «Победа» Янгиарыкского р-на, Минавар Маткурбанова из колхоза им. Дзержинского Хивинского р-на, Санам Хаббарова из колхоза «Правда» Шаватского р-на и многие другие.

Таким образом, все то новое, что появилось в семьях узбекского населения Южного Хорезма и что в корне изменило отношение к детям, их воспитанию, уходу за ними, было вызвано к жизни социалистическими преобразованиями хозяйства, культуры и быта всего узбекского народа.

Список информаторов (к статье Л. А. Фирштейн)

1. Балтаева Ханымджан, 69 лет. Хазараспский р-н, сельсовет Кервак, колхоз «Ленинград».
2. Адинаева Зулейха, 61 год. Оттуда же.
3. Джумагелдиева Урулджан, 80 лет. Оттуда же.
4. Машаринов Ибрагим, 88 лет. Хазарасп.
5. Сабирова Раиля, 71 год. Хазараспский р-н, сельсовет Пичакчи, колхоз им. XXI партсъезда.
6. Агъязова Урулджан, 60 лет. Оттуда же.
7. Курызов Сабир, 74 года. Оттуда же.
8. Каландарова Сопура, 78 лет. Янгиарыкский р-н, сельсовет Намуна, колхоз «Победа».
9. Каримова Оиджан, 72 года. Оттуда же.
10. Курбанова Зулейха, 61 год. Янгиарыкский р-н, сельсовет «Хорезм», колхоз «Хорезм».
11. Урунова Султанпаша, 64 года. Оттуда же.
12. Сапарова Айман, 73 года. Оттуда же.
13. Махмудова Саодат, 72 года. Хивинский р-н, сельсовет Гандимьян, колхоз им. XXII партсъезда.
14. Джаббергенова Шалманджан, 72 года. Хива.
15. Атаджанов Джуманияз, 80 лет. Хивинский р-н, сельсовет «Комсомол», колхоз им. Агахи.
16. Машаринова Угилжан, 58 лет. Хивинский р-н, сельсовет Дашьяк, колхоз им. Дзержинского.
17. Сытанова Рабия, 78 лет. Гурленский р-н, сельсовет «Социализм», колхоз «Каракалпакистан».
18. Сытанова Сапаргуль, 63 года. Оттуда же.
19. Джуманиёзова Джумагул, 69 лет. Оттуда же.
20. Бабаджанова Назира, 79 лет. Гурленский р-н, сельсовет Возкала, колхоз «Ленинизм».
21. Мадрахимова Бибиджан, 78 лет. Оттуда же.
22. Куриязов Атаджан, 79 лет. Оттуда же.
23. Сабирова Огульджан, 92 года. Шаватский р-н, сельсовет Чуклы, колхоз «Правда».
24. Сабирова Якутджан, 74 года. Оттуда же.
25. Кутлымуратов Маткарим, 78 лет. Шаватский р-н, сельсовет Бешмерген, колхоз «Ленинизм».
26. Атаджанова Анаджан, 71 год. Оттуда же.
27. Султанова Рабия, 63 года. Оттуда же.
28. Рахимова Якит, 69 лет. Оттуда же.

⁷⁵ Газ. Хорезмская правда, 1971, 10 февраля; 1972, 1 февраля.

⁷⁶ Газ. Хорезмская правда, 1972, 28 апреля.